

Оплата труда в России

Деятнадцатый век

Первые предприятия капиталистического типа проникли к нам с Запада, как известно, еще в тридцатых годах XVII века, т. е. задолго до окончательного законодательного оформления и завершения крепостного права. Получив санкцию закона уже в Уложении 1648 г., крепостное право на Руси все же далеко не сразу восприяло полную свою силу, ослабляемое мощью старых традиций, редкостью населения и легкостью для недовольных крестьян разбежаться в любой момент на вольные просторы необжитых окраин. Несколько массовый характер иной раз принимал этот последний метод противодействия закреплению крестьянского труда, можно судить по таким движениям нашей понизовой вольницы, как завоевание Сибири Ермаком Тимофеевичем и потрясший все московское государство бунт Стеньки Разина. Но в конце концов и бунт Разина и еще более грозное движение пугачевщины были подавлены дворянами. И к концу XVIII века крепостное право в России достигло высшего своего развития и процветания.

Как же эта причудливая пересадка ростков капитализма в почву зреющего феодализма должна была отразиться на судьбах и того и другого?

Конечно, и на Западе первые ростки капитализма возникали и развивались еще в порах феодального строя. Но там рост капитализма означал собою начало конца феодализма, являясь показателем его распада и разложения. А у нас в России вследствие значительного запоздания в развитии феодализма получилось весьма оригинальное смещение соответствующих фаз хозяйственного развития. Уже первая дата юридического оформления крепостного права в России (1648 г.) совпадает с датой первой победоносной буржуазной революции на Западе (1649 г. в Англии). А к моменту апогея в развитии крепостничества в России при Екатерине II на Западе уже пробил набат великой французской революции, означавшей решительное поражение западного феодализма капитализмом. Таким образом у нас на Востоке Европы в отличие от Запада первым и при этом уже весьма зрелым росткам капитализма суждено было прививаться в условиях не отмирающего, а чрезвычайно еще полнокровного и укрепляющегося феодализма.

Нужно сказать, что почва для развития новых форм крупного индустриального производства в России оказалась на первых порах весьма благоприятной. Достаточно сказать, что за первую же сотню лет своего развития крупная железодельная промышленность в России, несмотря на свою относительную юность, уже догнала и перегнала все передовые страны Запада. К 1782 г. выплавка чугуна, по свидетельству Шторха, на всех заводах России достигала 7,5-8 млн. пуд., т. е. значительно больше, чем в Англии, Франции, Пруссии или Америке. И не мы ввозили железо из-за границы, а

наоборот Запад потреблял ежегодно до 4 млн. пудов русского железа. А это доказывает, что у нас железо производилось дешевле и лучшего качества, чем за границей¹.

Это первое место по размерам выплавки чугуна на громадных заводах, эксплуатировавших по тысяче рабочих и выше, сохранялось у нас вплоть до начала XIX века. Не менее почетное место занимала Россия той эпохи и в других отраслях крупного производства. Так, например, описывая большую Ярославскую мануфактуру Яковлева, на которой в 1806 г. работало 2762 человека, Карл Герман замечает: «что касается до доброты товаров, то сие заведение по справедливости тем славится; скатерти и салфетки здесь делаемые, с красотою и чистотою своей работы равняются с английскими»².

Но начиная с XIX века, западные страны, окончательно стряхнувшие с себя путы феодализма, быстро и решительно обгоняют крепостную Россию в своем индустриальном развитии. Так, например, выплавка чугуна у нас возросла с конца XVIII века до 1860 г. всего в 1,5-2 раза, в то время как в Англии за тот же период она увеличилась в 30 раз, далеко оставив за собою наши наиболее высокие достижения. Примерно то же наблюдается и в других отраслях индустрии.

Некоторые исследователи объясняют наше отставание за это время техническим прогрессом на Западе. Сюда относят, например, выплавку чугуна на коксе, пудлингование, горячее дутье, паровой молот и т. п. технические достижения в области добычи и обработки металла, не освоенные нашей промышленностью за весь крепостной период ее существования. Формально это так, конечно. Но почему же наша промышленность не восприняла этих новых технических идей вслед за английской? Вот в чем вопрос. И на него мы даем только один вполне определенный ответ. Прогрессу техники в России препятствовала принудительная организация полупфеодалного промышленного труда.

В условиях укрепляющегося феодализма, поглощавшего в течение всего XVII и XVIII веков все большие массы крепостного труда, русская индустрия не находила для своего развития достаточных кадров *свободного* труда.

В подавляющем числе случаев, за отсутствием свободных рабочих рук, она строилась на принудительном труде крепостных или посессионных крестьян, привлекала порою даже колодников, «осужденных на натуральную и политическую смерть», и принуждала их работать под крепким караулом³. Такой труд был, понятно, очень дешев, гораздо дешевле вольного, но еще в большей мере непроизводителен. А главное он задерживал технический прогресс, ибо, во-первых, высокая техника требует и повышенной культуры со стороны рабочих, а, во-вторых, освобожденный машиной крепостной труд не освобождал еще господина от обязанностей кормить своих подневольных

¹ К. А. Пажитов. Положение раб. класса в России, Т. I, Л., 1925 г., стр. 10.

² М. Балабанов, Очерки по истории раб. класса в России, ч. I, Киев, 1923, стр. 20.

³ М. Балабанов, ч. I, стр. 28.

безработных¹. А в результате получились такие факты, что, скажем, еще около 1840 г. выплавка чугуна в России составляла *не свыше* 144 пуд в год на рабочего, в то время как в Англии она поднялась уже до 312,5, т. е. в два с лишним раза выше².

Вольнонаемные рабочие даже в начале XIX века составляли на наших фабриках и заводах едва 45% всего рабочего персонала, т. е. меньше половины. Но хуже всего было то, что особенно низок был этот процент на самых крупных предприятиях и наиболее высок на мелких. Вот, например, крайне любопытная в этом отношении цифровая иллюстрация сказанного:

Таблица 1

Фабрики и заводы России в 1804 г., подведомственные мануфактур-коллегии³

№№ по пор.	Группы производства	Число предприятий	Число рабочих		% вольнонаемных	Число рабочих на 1 фабрику
			Всего	В т. ч. вольнонаемных		
	1	2	3	4	5	6
1	Суконное и шерстяное	155	28.689	2.788	9,7	185
2	Стали, железа и пр.	28	4.121	1.144	27,8	159
3	Писчебумажные	64	6.957	1.533	22,0	109
4	Полотняные	285	23.711	14.327	60,5	83
5	Стекланные и хрустальные	114	3.937	1.685	48,0	35
6	Ситцевые и миткалевые	199	6.566	5.436	82,7	33
7	Шелковые	328	8.953	6.625	74,0	27
8	Канатные	58	1.520	1.295	85,2	26
9	Кожевенные	850	6.304	6.115	97,0	7
	Итого	2.081	90.758	40.948	45,1	44
	То же без кожевенных	1.573	88.958	39.510	44,5	56

Прежде всего не лишне будет отметить, что крепостная статистика относилась к числу «фабрик» и чрезвычайно мелкие на наш современный масштаб заведения, вроде кожевенных заводов, которые в 1804 г. составляли свыше трети всех учтенных «фабрик», при *среднем* числе рабочих на каждом не свыше семи. Такие мельчайшие заведения базировались почти целиком на вольнонаемном труде. Но собрать достаточное количество свободных рабочих рук для организации *большой* мануфактуры по тому времени было, по видимому, слишком трудно. И она базировалась по преимуществу на принудительном труде. Почти исключительно на принудительном труде строилась и вся крупная горнозаводская промышленность, вовсе не учтенная в приведен-

¹ «При крепостном труде заводы терпели нередко от избытка рабочих, будучи обязаны содержать их с семействами и давать работу. По этой причине заводоуправления находились в необходимости исполнять людьми такие работы, которые выгоднее было бы исполнять посредством машины». А. П. Кеппен. Историко-статистический обзор промышленности России, гр. VI, Горная и соляная промышленность, СПб, 1882, стр. 66.

² Пажитов, т. I, стр. 12.

³ Е. Зябловский. Статистическое описание Российской империи, СПб, 1808. Ч. V, стр. 9—73. Сюда вошли горнозаводская промышленность, винокурная и пивоваренная.

ной таблице. А между тем к тогдашним заводам было приписано для работы одних лишь государственных крестьян по пятой ревизии (1794—1796 гг.) 312.218 душ, в т. ч. 241 тыс. к казенным и 71 тыс. к частным заводам¹. Таким образом, если откинуть мелкие ремесленные заведения вроде кожевенных и прибавить горные заводы, то цифру 45% для участия вольнонаемного труда в крупной промышленности начала XIX века пришлось бы еще очень сильно понизить. Говоря иначе, можно сказать смело, что еще в начале XIX века наше крупное производство в подавляющей своей части строилось на принудительном труде.

Конечно, с течением времени преимущества вольного найма в русской промышленности, несмотря на крепостное право, брали свое. Принудительный труд все время уступал свое место свободному. Так по предприятиям, подведомственным мануфактур-коллегии, мы имели такую динамику численности фабричных рабочих².

Годы	Вольнонаемные		Прочие		Итого абсолютн.	Рост в %
	Абсол.	%	Абсол.	%		
1769	18.093	39,5	27.584	60,5	45.677	100
1804	45.625	47,8	49.637	52,2	95.262	209
1812	60.641	50,9	58.452	49,1	119.093	261
1825	114.515	54,4	96.053	45,6	210.568	462
1860	493.650	87,4	71.350	12,6	565.000	1.237

Как видим, в то время как общее число рабочих возросло в 12,4 раза, принудительный труд увеличился всего в 2,5 раза, причем за последние 35 лет перед освобождением крестьян он даже абсолютно сокращался, и таким образом весь прирост шел почти целиком за счет вольного найма.

Очень интересно, что столь интенсивное вытеснение принудительного труда свободным происходило, несмотря на то, что принудительный труд еще в начале XIX века расценивался вдвое дешевле свободного. Так например на шелковой фабрике Дудышкина около 1802 г. посессионные ткачи вырабатывали по 3 р. 75 к., а вольные по 7 р. 33 к. ассигнациями в месяц. На полотняной ф-ке Щербатова приписные ткачи в 1817 г. вырабатывали в месяц около 12 р. 50 к., а вольные на фабрике Горбунова в той же Ярославской губ. — более 20 р. в месяц. Подобное же соотношение наблюдалось на Купавинской суконной ф-ке Богородского уезда в 1834 г. «Месячный народ — жаловались здешние посессионные рабочие в прошении министру финансов — как-то: кузнецы, слесаря, токаря, столяры и пр. получают от 10 до 15 р., а по вольной цене по 40 р., равенчики при машинах в месяц по 8 р., а по вольной цене 25 р., на чесальных машинах мальчики 15 и 16 лет по 7 руб., а по вольной цене по 17 р., при сновальне девки получают по 3 р. 50 к., а по вольной цене по 8 р.». Туган-Барановский, сопоставлявший эти цифры, заявленные рабочими, с официальной справкой конторы удостоверяет полное их соответствие. Да и по свидетельству самих хозяев ф-ки Бабкиных «вольным рабочим платилось вдвое против посессионных»³.

¹ Пажитнов, там же, стр. 24.

² Туган-Барановский. Рус. фабрика, М., 1922, стр. 70—73. Пажитнов, стр. 51—60.

³ Туган-Барановский, стр. 148—153, 158, все ставки в ассигнациях.

В данном случае речь идет, повидимому, только о «месячных» рабочих и стало быть о *повременных* расценках. Но и на сдельной работе при одних и тех же расценках принудительный труд оплачивался значительно ниже вольного, ибо оказывался значительно менее производительным. Так, например, на той же Купавинской фабрике «вольные ткачи вырабатывали в месяц около 3 половинок «масловых» сукон и около 7 половинок «мизерицких» и русских сукон; посессионные же ткачи на той же фабрике вырабатывали масловых только две половинки, а мизерицких и русских 4, редко 5 половинок в месяц... хотя задельную плату они получали одинаковую»¹. Очевидно, здесь решающим моментом была уже не столько норма и форма оплаты, сколько общее разлагающее влияние сознания полной безнадежности и беспросветности своей судьбы на стороне принудительного труда. «Многие из владельцев привилегированных (т. е. посессионных) фабрик, — свидетельствует современник в «Журнале мануфактур и торговли» за 1837 г., т. X, — начали давать постоянную плату рабочим; многие платят им даже наравне с рабочими наемными. Но и в этом случае они нередко с большой неохотой принимаются за способ производства более или менее улучшенный, и всегда наемные рабочие лучше их». Вместе с тем, когда рабочие посессионной фабрики Угличанинова, пользовавшиеся довольно дурной славой, получили свободу и стали работать по вольному найму на соседней фабрике Оловянишниковой, то они «вскоре работали так же хорошо, как и прочие работники»².

Эти красноречивые свидетельства объясняют многое. Они объясняют почему, скажем, ивановские и прочие *купеческие* фабрики с наемным трудом процветали, получая после 1812 г. до *пятисот* (!) процентов прибылей за год, а привилегированные дворянские, строившиеся на подневольном труде, то и дело банкротились. Они объясняют, почему еще в 1832 г. дворянских фабрик насчитывалось 862 из 5.599, т. е. 15,5%, а в конце сороковых годов, по Гакстгаузену, их оставалось уже не свыше 500 из 10.000, т. е. едва 5%³. Они объясняют, почему русская крупная промышленность, несмотря на богатейшие свои задатки и одно из первых мест еще в конце XVIII века, оставшись одна на целые десятилетия в путях феодализма, так быстро и резко отстала после великой буржуазной революции 1789 г. от западноевропейской индустрии. Они объясняют также и то, почему даже весьма полнокровный русский феодализм рано или поздно должен был уступить свое место вполне развитой системе чисто капиталистических отношений «свободного» найма.

Все эти факты и выводы, правду говоря, довольно общеизвестны. Но, к сожалению, при изучении динамики заработной платы о них нередко забывают и сопоставляют без всяких стеснений уровень оплаты *крепостного* труда дореформенной эпохи с оплатой «свободного» труда капиталистической фабрики конца XIX века⁴. Такие сопоставления, конечно, очень удобны для апологетов современного капитализма, но совершенно не закономерны. Сопоставлять

¹ Там же, стр. 102, примечание.

² Пажитнов, т. I, стр. 60.

³ Туган-Барановский, стр. 74—79.

⁴ См. напр. у. Туган-Барановского, стр. 147, у Балабанова, ч. I, стр. 89 и др.

следует только сопоставимые вещи. Капиталистическому найму предшествовал вполне сравнимый с ним вольный наем простого товарного общества. С оплатой фабричного рабочего XX века вполне законно так же и плодотворно сопоставить заработок *вольнораемного фабричного* крепостной эпохи. Но содержание *раба* или *крепостного*, даже если оно выдается по платежным ведомостям и сдельным расценкам, — это совсем отличная от заработной платы экономическая категория. Не называем же мы *заработком* корм рабочего скота, хотя этот корм вполне оправдывается его работой.

Однако в исторических памятниках дореформенной эпохи отчетливые и достоверные данные об оплате *вольнораемного* труда крайне отрывочны и скудны. К тому же пользование ими затрудняется тем, что мы не располагаем обычно соответствующими этим данным *местными* ценами для определения их реального значения.

Государственная регламентация «зарплаты» дореформенной эпохи тоже не дает твердой опоры исследователю, поскольку относится к *подневольному* труду. Очень характерно однако, что в основу этой регламентации, повидимому, были положены обычные нормы оплаты *вольного* труда, правда, крайне устарелые. Еще в первой половине XVII века, как известно, *поденная* плата ремесленника и заводского рабочего колебалась около 4—5 коп. в день. Указом Петра Великого от 13 января 1724 г., т. е. сто лет спустя, эта норма (зимой 4 к., а летом 5 к. за день), несмотря на огромный рост цен, признается достаточной для всех *приписных* к заводам крестьян по всей России. И лишь через столетия, в 1779 г., после жестоких потрясений *пушечницы*, напуганная Екатерина II повышает эту норму вдвое (8 к. зимой и 10 к. летом за рабочий день пешего крестьянина)¹.

К этому времени однако императорская власть вместо прежней *порчи* металлических денег нашла лучший способ извлечения доходов из своей денежной монополии. Путем обильных выпусков бумажных ассигнаций (с 1769 по 1838 г.) казна обрела новый источник доходов, а *подневольный* рабочий, получая свой заработок в резко падающей валюте, быстро потерял с лихвой все, что ему мог дать вызванный испугом царский манифест 1779 г. Во всяком случае, после девальвации новой валюты, произведенной министром финансов Канкриным, и возврата к прежнему счету на серебро по штатам 1847 г., на казенных уральских заводах мы снова встречаемся со ставками *мастеровым* 1-й статьи по 6 к., 2-й статьи — по 4 и 3-й — по 3 к. серебром в день². Хотя по содержанию серебра рубль 1874 г. был уже в 3,66 раза меньше рублей времен Михаила Федоровича, а по покупательному его значению еще раза в два дешевле.

Конечно, *поденная* плата в 6 коп. при указанных условиях не могла бы обеспечить даже *рабского* содержания. Но, во-первых, эта казенная такса, повидимому, очень редко где применялась на деле. Во-вторых, там, где она применялась, как, например, в условиях особо низких цен на Урале, она дополнялась очень значительными натуральными доплатами — хлебом, дро-

¹ Пажитнов, т. I, стр. 112-113.

² Там же, стр. 115.

вами, бесплатным жилищем и т. д. И, в-третьих, *приписные* крестьяне, отбывая «барщину», работали на заводе не всей семьей и только часть года, а остальное рабочее время семьи посвящали своему крестьянскому хозяйству, откуда добывали основные средства к существованию. Таким образом, не только для определения уровня зарплаты, но и для оценки уровня жизни *приписного* к заводам населения подобные казенные таксы и «штаты» не представляют надежных оснований.

Вот почему мы предпочитаем, несмотря на скудость соответствующих материалов, ограничиваться освещением норм оплаты только *вольнораемного* труда дореформенной фабрики.

* * *

Пользуясь материалами, собранными Туган-Барановским в отношении оплаты труда текстильщиков подмосковных губерний, можно установить следующие факты.

Месячный заработок *вольнораемного* ткача в 1803 г. за 23 рабочих дня составлял на полотняной фабрике Водовозова Владимирской губ. 6 руб. ассигнациями, на шелковых фабриках Московской губ. Дудышкина 7 р. 33 к. и Москвина — 7 р. 80 к. На ситцевых фабриках, где в связи с быстрым ростом производства зарплата даже у *приписных* рабочих стояла особенно высоко, мы можем отметить месячный заработок ткача на фабрике Дм. Грачева Московской губ. и Еф. Грачева Владимирской губ. по 10 руб. ассигнациями. В среднем по 5 названным фабрикам ткачи зарабатывали, стало быть, около 8 р. 23 к. ассигнациями в месяц, т. е. 6 р. 57 к. серебром по курсу 1803 г. в месяц, или по 28,5 коп. в день¹.

В архивном деле о притеснениях мастеров Фряновской шелковой фабрики Московской губ. 1837 г. имеется указание, что «*приписные* ткачи кругом заработали в год около 185 руб. каждый, а *сидящие* вместе с ними и работающие те же самые изделия *вольные* ткачи заработали кругом около 350 р. каждый»². При курсе ассигнаций 1837 г. в 28,2 коп. серебром этот заработок *вольных* ткачей составляет в переводе на серебро 98,5 р. в год, или 8 р. 22 к. в месяц, т. е. очень близок к вышеприведенным нормам начала XIX века. Для того, чтобы судить о реальном значении этих норм, приведем следующую справку о движении цен за XVII—XX века в серебряной валюте (см. табл. 2, стр. 96).

Цены, использованные здесь, по преимуществу московские, в двух-трех случаях использованы цены других рынков или ближайших соседних лет, более сомнительные цены поставлены в скобках, за последние две даты приведены цены сахара-рафинада, за первые две — меда³.

¹ См. таблицу курсов у Н. Бржеского, Государств. долги России, СПб, 1884 г.

² Туган-Барановский, стр. 151.

³ Цены 1776, 1786 и 1837—1839 гг. см. у Пажитнова, т. I, стр. 137, 142-143 и др. Цены муки ржаной и хлеба по Москве с 1797 по 1896 г. см. Цены на хлеб и мясо в Москве», (Г. А. Позняков), М., 1896 г., «Хлебопекарный промысел и такса на хлеб в Москве», М., 1899 г. «Собрание справочных цен на различные предметы торговли в Москве» Изв. Моск. Гор. Думы, 1894 г. март, вып. 1, «СПБ-ский прейскурант» Коммерц. Коллегии, с 1803 по 1857 г. и др. издания.

Таблица 2

Дороговизна жизни в XVII—XX вв.

№№ по порядку	Товары	Единица измерения	Годовая норма потребления	Стоимость набора в руб. и копейках серебром			
				1600—1649	1776—1782	1837—1839	1913 год
1	2	3	4	5	6	7	
1	Мука ржаная	пуд.	10,0	0,50	2,23	3,62	12,00
2	Хлеб черный	»	2,0	0,116	0,37	0,64	2,10
3	Мука пшеничная	»	6,0	0,60	2,40	(4,36)	14,40
4	Крупа гречневая	»	2,0	0,24	0,55	0,97	3,68
5	Мясо	»	2,5	0,56	2,03	3,34	16,55
6	Масло коровье	»	0,3	0,222	0,97	1,63	5,34
7	Масло растительное	»	0,4	0,284	(0,80)	0,87 ¹	2,19
8	Мед—сахар	»	0,6	0,39	4,62	6,30 ¹	3,50
9	Соль	»	0,5	0,10	(0,30)	0,29 ²	0,15
10	Дрова	»	75,0	0,252	2,40	2,97	11,22
	Итого	»	99,3	3,26	16,67	24,99	71,34
	Индекс дороговизны	—	—	4,6	23,4	35,0	100,0
	Стоимость набора в фунтах серебра	фунт.	—	0,51	0,70	1,10	4,75
	То же в %	»	—	10,7	14,8	23,2	100,0

Мы не смогли привести по всем сопоставляемым датам цен на предметы одежды и квартиру. Первые из них несомненно понизили бы темп роста дороговизны, но зато квартирные цены, растущие наиболее быстрым темпом, действовали бы в обратном направлении. И потому в общем мы можем считать приведенный индекс достаточно показательным. В серебряной валюте индекс 1837—1839 г. составляет только 35% от норм дороговизны 1913 г. Применительно к данным о зарплате, выраженным в ассигнациях, его пришлось бы для этих лет повысить в 3,55 раза. Серебро, взятое по рыночным ценам, на вес, дешевет в отношении перечисленного набора товаров за указанный период весьма интенсивно, в особенности за последнее время, после отмены свободной чеканки и перехода к золотому обращению. С начала XVII века до 1837 г. за два века оно подешевело в отношении других товаров только вдвое, а с 1837 до 1913, т. е. всего за $\frac{3}{4}$ века, — раза в 4 с лишком.

Месячный заработок вольнонаемного ткача Московской губ. конца 30-х годов XIX столетия в 8 р. 22 к. в переводе на товарную валюту составит, стало быть, в реальном своем значении около 23 р. 40 к. по ценам 1913 г. Для сравнения укажем, что в 1908 г. ткачи той же губернии зарабатывали в месяц на круг в обработке хлопка всего 18 р. 51 к., в обработке шерсти

¹ СПб-ские цены.² Рыбинская цена.

22 р. 75 к., а в среднем по обработке всякого волокна — 19 р. 89 к.¹ За время же с 1903 по 1913 г. в текстильной промышленности наблюдалось даже некоторое снижение оплаты труда — номинальной — на 2,5% и реальной — на 1,5%. Отсюда заключаем, что никакого *повышения* реальной оплаты труда с 1837 по 1913 г. не наблюдалось. Гораздо легче было бы защищать обратное положение, в особенности, если учесть, что и даровая квартира и бесплатные дрова и т. п. натуральные прибавки к зарплате на дореформенной фабрике практиковались гораздо чаще, чем в начале XX века.

В пользу того взгляда, что дореформенная полукрепостная фабрика должна была оплачивать *вольнонаемный* труд дороже, чем пореформенная капиталистическая фабрика, говорит уже тот элементарный факт, что в условиях феодализма не было, да и не могло быть благоприятных условий для создания на потребу капитала сколько-нибудь значительной массы «свободных рук» вообще и резервной армии *безработных* пролетариев в особенности. Кроме того начальный *мануфактурный* период развития промышленности нуждался в гораздо большей степени, чем более поздний период крупной машинной индустрии в квалифицированном труде. С заменой этого труда машиной представлялась возможность снижения оплаты труда для соответствующих категорий рабочих и капитал, конечно, всегда был готов широко ее использовать.

В качестве очень красочной иллюстрации сказанного можно указать на судьбу набойщиков. В начале XVIII столетия набойка ситцев производилась у нас еще вручную. И это был золотой век по оплате набойщиков. Но затем в связи с введением машинного печатания и распространением его в русской текстильной промышленности мы наблюдаем следующую картину катастрофического снижения заработков набойщиков².

Годовой заработок набойщиков

Годы	В рублях ассигнациями			Серебром	
	от	до	в среднем	в руб.	в %
1812—1821	800	— 1.100	950	247	100
1822—1831	650	— 800	725	194	78
1832—1841	450	— 600	525	153	62
1842—1851	300	— 550	425	121	49
1852—1858	250	— 500	375	107	43

Всего за сорок лет оплата набойщиков упала раза в два с половиной. С учетом некоторого роста дороговизны предметов первой необходимости по отношению к серебру это падение выразилось бы еще резче. Одним словом, здесь мы имеем перед собой типичный случай действия машины. Она, во-первых, вытесняя ручной труд, создает на рынке относительный избыток в работниках данной профессии, а, во-вторых, упрощая их труд, облегчает применение к нему гораздо более широких кадров неквалифицированной рабочей силы.

¹ М. И. Козьминных-Ланин. Заработки фабрично-заводских рабочих Московской губ., М., 1911 г., табл. 2, 5, 8. А. Г. Рашин. Заработная плата за восстановительный период хозяйства СССР, М., 1928 г., стр. 111.² М. Власьев. Село Иваново. «Вестник промышленности», 1859 г., № 4, стр. 192.

Судьба ручных ткачей тоже представляет большой интерес с указанной точки зрения. В начале XIX века ручные ткачи оплачивались примерно в такой же цене, как и набойщики. Повидимому, эта профессия требовала большой выучки, потому что ткачи в то время оплачивались выше таких квалифицированных профессий, как столяры и кузнецы. Эта более высокая расценка ткачей наблюдается и в 1803, и в 1817, и в 1834 и даже в 1843 годах¹. Но уже к 1843 г. эта разница сильно сглаживается, а затем с распространением механического ткачества все ткачи резко снижаются в оплате и оказываются уже ниже столяров и кузнецов. Характерно при этом, что механические ткачи оплачиваются выше ручных, например в 1856 г. ручные ткачи получали всего 6 р. 67 к. серебром в месяц, а механические 11 р. 25 к.² Очевидно, уже в это время ручное ткачество удерживалось лишь в предприятиях, эксплуатирующих *принудительный* труд. Но к моменту падения крепостного права к числу таких относились лишь более мелкие предприятия. На более же крупных укрепились уже механические станки и свободный труд.

Впрочем в отношении ткачей окончательная их дисквалификация в связи с развитием машинного производства произошла лишь в пореформенный период. Ниже мы приведем несколько цифр, иллюстрирующих этот процесс.

В общем, исходя из теоретических соображений, оплату труда в первых фазах капиталистического развития труднее было снижать по объективным условиям недостатка свободных рабочих рук, чем в период расцвета капиталистической индустрии. И мы считаем довольно правдоподобным наблюдение Гакстгаузена, который, говоря о России 40-х годов XIX века, утверждал, что *ни в одной стране* заработная плата фабричных рабочих не достигает такой высоты, как в России. «Даже денежная заработная плата в России, — по словам этого весьма добросовестного и точного наблюдателя, — в общем выше, чем в Германии. Что же касается до реальной платы, то преимущество русского рабочего перед иностранным в этом отношении еще значительнее»³. Это могло быть именно вследствие полнокровного русского феодализма в эту эпоху; являясь тормозом в развитии капитализма, наш крепостной уклад поддерживал здесь в то же время более высокий уровень оплаты *вольнонаемного* труда, чем в тех странах, где пролетаризация крестьянских масс не встречала таких препятствий и «свободных» рабочих рук на рынке было несравненно больше.

Будучи очень далекими от идеализации устоев николаевской эпохи и чуждаясь реакционно-народнического отрицания заслуг капитализма в деле разрушения этих устоев, мы не можем однако апологетически приписывать ему и такие заслуги, каких он не имеет. Реального уровня оплаты *вольнонаемного* труда, достигнутого в николаевскую эпоху, расцвет капитализма в России отнюдь не повысил, а скорее понизил. И если Туган-Барановский, например, склонен показывать Гакстгаузена об уровне зарплаты в николаев-

¹ См. Туган-Барановский, табл. к стр. 146, стр. 152, 158.

² Там же, табл. к стр. 159.

³ А. Гакстгаузен. Исследование внутр. отношений народной жизни России, т. I, 1869., стр. 98, 119 и др., Туган-Барановский стр. 160.

ской России считать преувеличенными, то это мнение его требует еще тщательной проверки. Дело в том, что Гакстгаузен оперирует данными о *вольном* найме. А Туган-Барановский, отнюдь не оспаривая их, предпочитает пользоваться более низкими, относящимися в значительной своей части к *принудительному* труду. Приводя целый ряд очень интересных данных об оплате труда различных профессий на разных фабриках, он сильно обесценивает их тем, что оставляет неизвестным, какие из приведенных ставок относятся к *принудительному*, какие к *вольному* труду. Он даже выводит из них средние, хотя из резких колебаний по отдельным фабрикам и профессиям видно, что в эти средние зачастую входили ставки и крепостного и свободного труда.

Это смешение ставит под вопрос и некоторые выводы в отношении динамики зарплаты дореформенной эпохи. Туган-Барановский констатирует *рост* реальной зарплаты на дореформенных фабриках. И в общем этот вывод вполне правдоподобен. Под влиянием целого ряда волнений приписных к заводам крестьян, все время добивавшихся *уравнения* их в оплате с *вольнонаемными* рабочими, нормы оплаты *подневольного* труда должны были постепенно подтягиваться к оплате все шире применявшегося *вольного* труда. Но этот вывод во всяком случае нельзя распространять без проверки и на динамику оплаты *свободного* труда. Ставки *вольного* труда могли даже заметно падать — как, например, это установлено для набойщиков, — а в общем, при смешении *вольного* и *принудительного* труда и резком повышении удельного веса *вольнонаемных* рабочих, *средний* размер оплаты тех и других обнаруживал определенный рост.

Какого же уровня достигала зарплата в России непосредственно перед ликвидацией крепостного права?

По данным 1856—1858 гг., относящимся главным образом к иваново-вознесенским фабрикам, механические ткачи зарабатывали около 11 р. 25 к., прядильщики до 13 р. 50 к., столяры 11 р. 13 к. и кузнецы 11 р. 60 к. серебром в месяц. Не ясно, учтены ли здесь только *вольнонаемные* рабочие или частью и крепостные. По Гакстгаузену ткачи еще в 40-х годах получали до 57 к. серебром в день, или 13 р. 10 к. в месяц. В столицах соответствующие ставки были несомненно еще выше. Для сопоставления с ними мы располагаем данными 1883 и 1896 гг. по Владимирской и Московской губ.¹ Кроме того мы использовали ниже данные 1908 г. по Московской губ. и справочные цены по г. Москве за ряд лет². Все эти данные не вполне сравнимы, но не лишены иллюстративного значения (см. табл. 3, стр. 100).

Как видим, несмотря на значительный рост номинала, в реальном своем значении зарплата названных профессий не дала никакого прироста. Оплата столяров и кузнецов при этом относительно заметно выросла, прядильщиков и в особенности ткачей значительно снизилась, труд чернорабочих остался почти стабильным и общий уровень тоже близок к стабильности.

¹ Туган-Барановский, табл. к стр. 159, 332 и 336.

² Козьминых-Ланин, назв. раб., табл. 2, 5, 8 и 13. Московские справочные цены за последние 2 даты использованы, конечно, только в качестве динамических коэффициентов (для чернорабочих).

Таблица 3

Динамика оплаты некоторых профессий за месяц
(в рублях серебром)

Годы	Обученные рабочие					Чернорабочие (мужчины)	Индекс цен (1913 г. = 100)	Реальная плата	
	Столяры	Кузнецы	Ткачи	Прядильщ.	В среднем			Обучен. рабоч.	Чернорабочих
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1834—7	11,10	11,10	10,40	10,70	11,08	5,14	35,0	31,6	14,7
1856—8	11,13	11,60	11,25	13,50	11,87	5,34	(43,6)	27,2	12,3
1883	28,38	26,56	17,25	19,68	23,03	10,62	80,0	28,8	13,3
1896	(25,90)	(23,80)	18,75	23,05	22,87	(11,3)	72,8	31,4	15,5
1908	27,92	32,82	19,89	25,99	26,65	(15,2)	100,8	26,4	15,1

Правда, наши индексы цен не за все годы одинаково точны. С 1813 до 1883 г. они обнимают по столицам набор в 19 товаров и более, дата 1837 г. базируется на 10 товарах, а 1856—1858 гг. едва на 4, но все же это не один хлеб, к которому обычно апеллирует в подобных случаях большинство исследователей. И преуменьшать их значение не приходится. Российский капитализм со времен ликвидации феодализма достиг огромных успехов и завоеваний в целом ряде областей. Но он не дал нам никаких заметных сдвигов в области повышения заработной платы. И если до реформы 1861 г. мы стояли в этой области, по Гакстгаузену, впереди многих других так называемых передовых капиталистических стран, то к началу XX века мы несомненно резко отстали от них в этом отношении и оказались на одном из самых последних мест.

Причины этого явления заслуживают специального исследования. Возможно, что западные страны, раньше нас вступившие на путь империализма, именно за счет грабежа своих колоний и полукOLONиальных стран, вроде России, находили те дополнительные ресурсы, которые могли, не снижая своих накоплений, уделять на расширенное воспроизводство рабочей силы. Наша юная капиталистическая индустрия до последних лет была еще слишком слаба, чтобы соперничать с западной на внешних колониальных рынках. А для внутреннего потребления расширенное воспроизводство весьма дешевой рабочей силы на потребу индустрии у нас давала все время только что раскрепощенная деревня. И пока этот источник не был исчерпан, российский капитализм не имел особых оснований для повышенных затрат на рабочую силу. Возможно, что тут действовали и иные причины. Во всяком случае отмеченный факт — остается фактом.

* * *

За пореформенный период мы располагаем несравненно более обильным материалом для освещения динамических процессов в области заработной платы. Но и здесь вплоть до самого конца XIX века за отсутствием массовых статистических материалов приходится довольствоваться весьма разроз-

ненным материалом отдельных предприятий, справочных цен по отдельным городам и т. п. источников иллюстративного значения.

Как было уже указано, ко времени реформы принудительный труд на Русских фабриках составлял всего около 12,6% общего числа рабочих, и поэтому реформа 19 февраля не могла вызвать особо крупных потрясений в большинстве отраслей обрабатывающей промышленности. Особенно резко ее влияние сказалось однако в таких отраслях, как горная, и таких районах, как Уральский, где до самой реформы сохранялось за посессионным трудом решающее значение.¹

В чем же сказалось это влияние? Прежде всего, конечно, в повальном уходе приписных крестьян с заводов и обращении их к другим более легким или более выгодным занятиям. По свидетельству В. П. Безобразова в 1860 г. на 7 уральских горных заводах числилось 8.663 рабочих, в 1861 г. — 7.030, в 1862 г. — 4.671, в 1863 г. — 3.097 и в 1864 г. — 2.839 человек. Таким образом за это время ушло с заводов свыше двух третей всех рабочих. Вторым следствием явилось, разумеется, резкое повышение зарплаты. Так плата высшим мастеровым на Богословском заводе и Туринских рудниках за время с 1866 г. удвоилась, а плата рабочим низшего разряда поднялась (с 5—8 коп. до 25—60 к. в день). Но в связи с ростом зарплаты поднялись и цены на хлеб и все прочие товары и материалы. Например, в Прикамье ржаная мука за пуд стоила в 1855—1857 гг. 25,3 к., а в 1864—1866 гг. — 60 к., на южном Урале за то же время она поднялась с 27 до 62 к., на Северном — с 27 до 87 к. и т. д. Вместе с тем короб угля вздорожал за те же годы в среднем с 56 к. до 1 р. 28 к., железная руда с 1 р. 63 к. до 4 р. 50 к. за 100 пуд., медная руда с 6 к. до 10 к. за пуд и т. д.²

Само собою разумеется, что поднять тем же темпом и цену железа, в каком росла зарплата и материалы, уральские заводчики по условиям конкуренции не могли. И дальнейшим следствием реформы явилась рационализация производства и подъем производительности труда. О том, каков был уровень производительности на Урале до реформы, можно судить по следующей справке. В 1851 г. на казенных заводах Урала производилось всего 45, на частных 70 пудов чугуна в год на 1 рабочего, а скажем в Пруссии—250³. При свободном труде на таком уровне невозможно было хозяйничать. И вот оказывается, что если еще в 1861 г. накладные расходы на металлургических заводах Гороблагодатского округа составляли 94,2% надбавки на каждый рубль цеховой себестоимости металла, то к 1864 г. они падают уже до 25,7%. Производительность растет, и общая заводская стоимость металла изменяется следующим образом³ (см. вывод на стр. 102).

Итак, в результате замены принудительного труда свободным, несмотря на более чем удвоенные нормы его оплаты и такое же повышение цен сырья (руды и угля), стоимость полупродукта уральской металлургии, т. е. чугуна,

¹ В. П. Безобразов. Уральское горное хозяйство. Труды комиссии для пересмотра податей и налогов. СПб. 1869, т. XIII, ч. V, стр. 84-85, 102, 323-324.

² Дженпев. О железной промышленности в России, Н.-Новгород, 1858 г., стр. 29.

³ В. П. Безобразов. Назв. работа, стр. 346.

и еще в большей мере готового продукта — железа — осталась на прежнем уровне и даже снизилась. Иными словами, повышение производительности труда, перекрывшее и рост номинала зарплаты и вздорожание сырья, надо оценивать уже не в два, а по меньшей мере в 3-4 раза. Таковы результаты реформы на Урале.

Годы	В копейках за пуд:	
	чугуна	полос жел.
1860	31,9	118,2
1861	46,5	134,0
1862	43,5	115,5
1863	37,3	123,8
1864	34,1	108,6
1865	34,0	109,1

В районах и областях труда, где уже и до реформы господствовал вольнонаемный труд, ее действие не произвело столь же резких сдвигов в ценах рабочей силы и производительности труда. И даже больше, если оплата труда бывших приписных крестьян с падением крепостного права резко повысилась, то свободный труд после реформы заметно упал в цене.

Наиболее длинный динамический ряд в отношении зарплаты представляют справочные цены на рабочие руки по шести профессиям строительных рабочих г. Ленинграда (столяры, маляры, плотники, каменщики, штукатуры и поденщики). А. Рыкачев собрал и опубликовал их за целых 58 лет, начиная с 1853 г.¹ Но у Рыкачева они сопоставляются только с хлебными ценами за соответствующие годы. Нам удалось в Институте экономических исследований Госплана за время с 1867 г. до 1917 г. включительно построить на основе тех же справочных цен для Ленинграда более надежный индекс дороговизны, опирающийся на цены 19 важнейших для рабочего бюджета товаров². Для более ранних лет нам пришлось пока ограничиться только хлебными ценами (мука ржаная и пшеничная и хлеб черный и белый с 1861 г.). За дореформенное время Рыкачев привел только цены муки (ржаной и пшеничной), но мы их дополнили еще ценами печеного хлеба и ржаной муки до г. Москве. Сопоставление этих цен за 1853—1857 гг. с оптовыми ценами 6 товаров по СПб преискуранту Коммерц-Коллегии показало, что и за эти годы построенный нами индекс довольно удовлетворителен. В среднем выводе по 6 профессиям в копейках каждого года и в переводе по индексу на валюту 1913 г. мы получили такую картину (табл. 4).

¹ См. А. Рыкачев. Цены на хлеб и на труд в С.-Петербурге за 58 лет. «Вестник финансов», 1911 г. № 31 и «Ведомости справочных цен в С.-Петербурге» с 1853 г. до 1916 г. В «Ведомостях» даны колебания цен от—до; мы приводим средние арифметические из этих колебаний за 12 месяцев, средняя по 6 профессиям взята тоже арифметическая.

² В этот набор вошли следующие товары: 1) мука ржаная—4 кг, 2) мука пшеничная—5 кг, 3) хлеб ржаной—2,6 кг, 4) хлеб белый—4,5 кг, 5) говядина—2,5 кг, 6) свинина—2,1 кг, 7) картофель—9,6 кг, 8) капуста—1,6 кг, 9) пшено—1 кг, 10) крупа—1,6 кг, 11) соль—0,6 кг, 12) сахар-рафинад—1,4 кг, 13) масло коровье—0,3 кг, 14) масло подсолнечное—0,5 кг, 15) яйца—8,6 шт., 16) молоко—6,2 литра, 17) керосин—0,6 литра, 18) мыло—0,5 кг и 19) дрова—0,24 м³. Этот набор, принятый в бюджетной статистике с 1/X 1926 г., соответствует месячным нормам потребления на взрослого едока-мужчину и для довоенного времени.

Таблица 4

Динамика поденной платы строительных рабочих СПб
(в копейках серебром)

Годы	Поденная плата		Индексы (1913=100)		Годы	Поденная плата		Индексы (1913=100)	
	Номинальная	Реальная	Цен	Реальн. платы		Номинальная	Реальная	Цен	Реальн. платы
1	2	3	4	5	1	2	3	4	5
1853	82,5	192,0	43,0	101,1	1884	102,8	127,0	81,0	66,9
1854	82,8	212,0	39,0	111,7	1885	102,0	136,0	75,1	71,6
1855	70,7	176,7	40,0	93,1	1886	85,3	119,7	71,3	63,0
1856	76,0	148,8	51,1	78,4	1887	92,6	129,2	71,7	68,0
1857	71,4	132,1	54,0	69,6	1888	106,3	148,0	71,9	77,9
1858	63,0	126,7	49,8	66,8	1889	116,7	162,2	71,9	85,4
1859	87,0	163,4	53,2	86,1	1890	117,3	168,0	69,9	88,4
1860	114,2	194,5	68,4	102,5	1891	119,3	164,2	72,7	86,5
1861	114,0	186,0	61,3	98,0	1892	120,6	155,4	77,7	81,8
1862	81,1	127,8	63,4	67,3	1893	120,4	153,7	78,8	81,0
1863	90,5	157,8	57,3	83,2	1894	119,1	164,4	72,5	86,6
1864	87,5	160,8	54,4	84,8	1895	120,0	176,6	68,0	93,0
1865	85,1	153,5	55,4	80,8	1896	123,3	182,5	67,7	96,2
1866	80,8	138,9	58,2	73,2	1897	120,5	174,0	69,3	91,6
1867	88,3	136,0	65,0	71,5	1898	136,7	176,7	77,3	93,1
1868	83,8	122,4	68,5	64,5	1899	143,3	180,2	79,6	94,9
1869	94,5	134,6	70,2	70,9	1900	122,0	154,5	79,0	81,4
1870	97,6	137,1	71,1	72,2	1901	137,3	177,7	77,2	93,6
1871	81,6	112,6	72,5	59,4	1902	140,1	180,3	77,7	95,0
1872	83,3	109,9	75,9	57,9	1903	140,5	181,4	77,5	95,5
1873	87,2	119,8	72,7	63,1	1904	137,3	176,0	78,1	92,7
1874	95,3	127,8	74,6	67,3	1905	143,6	186,0	77,2	98,0
1875	98,7	132,1	74,6	69,6	1906	143,6	177,1	81,0	94,2
1876	102,2	134,5	76,0	70,8	1907	150,5	170,5	88,2	89,8
1877	96,0	128,5	74,7	67,7	1908	142,8	150,5	94,9	79,3
1878	94,1	125,0	75,2	65,8	1909	150,0	160,4	93,5	84,4
1879	97,2	122,0	79,6	64,2	1910	141,6	158,3	89,7	83,4
1880	114,0	134,0	85,0	70,6	1911	169,2	184,7	91,6	97,3
1881	112,2	123,0	91,3	64,8	1912	174,9	177,4	98,6	93,4
1882	130,3	146,5	88,7	77,2	1913	189,8	189,8	100,0	100,0
1883	111,0	134,6	82,5	70,9					

Как видим, в среднем за весь период поденный заработок строителя колебался около 1 р. 50 к. в день. Но за отдельные годы мы имели весьма значительные отклонения от этой нормы. В начале 50-х годов мы застаем наиболее высокие нормы реальной оплаты, до которых она не поднимается потом за все 60 лет. Но уже годы Крымской войны — за сокращением строительства — вызывают первое довольно резкое снижение зарплаты, которое ликвидируется только накануне реформы в 1860 г. Первые два года после реформы мы наблюдаем новое не менее резкое падение поденной платы — почти на 35%. Это падение, очевидно, следует объяснить широким притоком в столицу свежих рабочих рук из освобожденной деревни. Далее мы наблюдаем целый ряд повышений и понижений конъюнктурного характера. Оплата строителей довольно чутко реагирует снижением на каждую заминку или промышленный кризис (1871/72 г., 1883 г., 1900 г.), годы войны (1855/56, 1877/78, 1904) и неурожайные годы (напр. 1865 и 1867, 1879, 1891 и 1892, 1897, 1906 и т. д.), довольно высоко поднимается в 1905 г. — год революции — и т. д. Особенно характерно в этих колебаниях влияние больших неурожаев

и голодных лет. В неурожайные годы цены обычно обгоняют рост номинальной зарплаты, и это должно бы сокращать нормальный приток рабочей силы в города за счет деревни. Но голод не тетка. И чем хуже живется в деревне, тем больше бежит из нее народу в город, соглашаясь под влиянием конкуренции даже на очень тяжелые условия труда и пониженный заработок.

Впрочем влияния колебаний урожайности на динамику зарплаты в России не следует преувеличивать. Чтобы выявить его более рельефно, мы прежде всего определили средний динамический уровень урожайности за весь интересующий нас период (в «самах») ¹. Поскольку в нашей литературе неоднократно высказывались предположения о восьмилетней периодичности урожаев в России, то средний урожай за каждый год исчислялся по 8-летиям.

Таблица 5

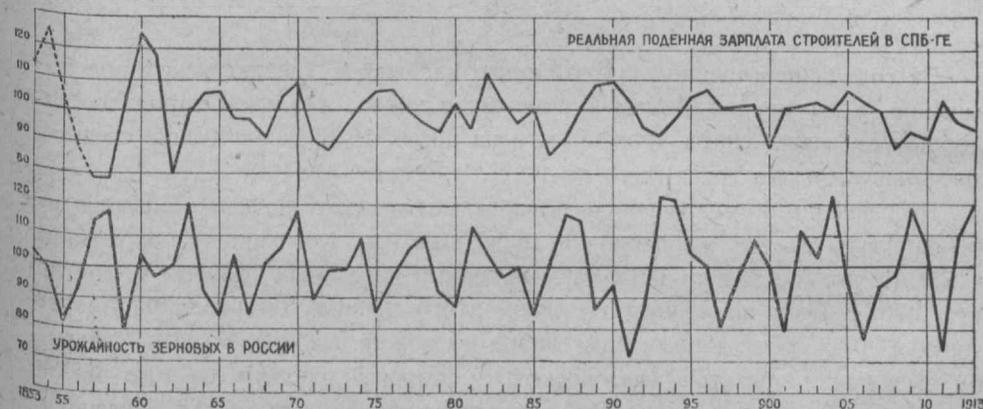
Колеблемость урожаев и реальной оплаты труда в России

Годы	Урожайность зерновых			Поденная плата в СПб			Годы	Урожайность зерновых			Поденная плата в СПб		
	В „самах“		Колебания в процентах гр. 3	В копейках		Колебания в процентах гр. 6		В „самах“		Колебания в процентах гр. 3	В копейках		Колебания в процентах гр. 6
	Фактическая	Средняя		Фактическая	Средняя			Фактическая	Средняя		Фактическая	Средняя	
1	2	3	4	5	6	7	1	2	3	4	5	6	7
1853	3,61	3,47	104,0	192,0	(168,5)	(114)	1884	4,30	4,29	100,2	127,0	132,1	96,1
1854	3,51	3,54	99,2	212,0	(168,3)	(126)	1885	3,65	4,29	85,1	136,0	135,5	100,4
1855	2,60	3,54	82,4	176,7	(168,2)	(105)	1886	4,28	4,22	101,4	119,7	139,2	86,0
1856	3,26	3,48	93,7	148,8	(167,1)	(89)	1887	4,87	4,16	117,1	129,2	142,4	90,7
1857	3,95	3,45	114,5	132,1	167,9	78,7	1888	4,69	4,08	115,0	148,0	146,1	101,3
1858	4,08	3,45	118,3	126,7	161,6	78,4	1889	3,65	4,19	87,1	162,2	148,9	108,9
1859	2,87	3,55	80,8	163,4	155,8	104,9	1890	4,14	4,40	94,1	168,0	152,8	109,9
1860	3,78	3,60	105,0	194,5	155,4	125,2	1891	3,26	4,50	72,4	164,2	158,6	103,5
1861	3,51	3,61	97,2	186,0	157,5	118,1	1892	4,00	4,53	88,3	155,4	163,7	94,9
1862	3,57	3,53	101,1	127,8	159,6	80,1	1893	5,63	4,58	122,9	153,7	166,6	92,3
1863	4,26	3,53	120,7	157,8	158,6	99,5	1894	5,68	4,65	122,2	164,4	167,9	97,9
1864	3,28	3,54	92,7	160,8	152,4	105,5	1895	5,04	4,80	105,0	176,6	169,4	104,3
1865	3,01	3,57	84,3	153,5	144,7	106,1	1896	5,04	5,00	100,8	182,5	170,4	107,1
1866	3,84	3,67	104,6	138,9	142,1	97,7	1897	4,12	5,05	81,6	174,0	171,8	101,3
1867	3,10	3,69	84,0	136,0	139,8	97,3	1898	4,76	4,90	97,1	176,7	174,3	101,4
1868	3,75	3,68	101,9	122,4	133,8	91,5	1899	5,40	4,92	109,8	180,2	175,6	102,6
1869	4,06	3,78	107,4	134,6	128,5	104,7	1900	5,01	4,99	100,4	154,5	175,5	88,1
1870	4,59	3,87	118,6	137,1	125,7	109,1	1901	4,08	5,12	79,7	177,7	175,9	101,0
1871	3,52	3,92	89,8	112,6	124,8	90,2	1902	5,77	5,12	112,7	180,3	176,6	102,1
1872	3,88	3,94	98,5	109,9	125,3	87,7	1903	5,20	5,03	103,4	181,4	176,0	103,1
1873	3,94	3,96	99,5	119,8	125,7	95,3	1904	6,13	5,00	122,6	176,0	175,2	100,5
1874	4,34	3,95	109,9	127,8	124,5	102,7	1905	4,86	5,07	95,6	186,0	173,9	107,0
1875	3,38	3,97	85,1	132,1	124,3	106,3	1906	4,05	5,24	77,3	177,1	171,4	103,3
1876	3,85	3,98	96,7	134,5	126,5	106,3	1907	4,88	5,19	94,0	170,5	170,2	100,2
1877	4,26	4,01	106,2	128,5	125,2	100,2	1908	5,04	5,17	97,5	150,5	170,5	88,3
1878	4,49	4,06	110,6	125,0	129,5	96,5	1909	6,33	5,30	119,4	160,4	170,9	93,5
1879	3,78	4,10	92,2	122,0	130,9	93,2	1910	5,87	5,48	107,1	158,3	172,8	91,6
1880	3,65	4,17	87,5	134,0	130,5	102,7	1911	4,17	5,60	74,4	184,7	172,5	107,0
1881	4,73	4,16	113,7	123,0	130,5	94,3	1912	6,24	5,68	109,9	177,4	174,6	101,6
1882	4,31	4,11	104,9	146,5	130,7	112,1	1913	6,75	5,62	120,1	189,8	179,3	105,7
1883	4,04	4,16	97,1	134,6	130,8	102,9							

¹ По данным В. Г. Михайловского «Урожай в России в 1801—1914 гг.». Бюллетень ЦСУ». 1921 г., № 50, стр. 4.

Затем фактическая урожайность каждого года выражалась в процентах от средней за соответствующее восьмилетие. Точно такое же исчисление — для сравнимости тоже по 8-летиям — проделано нами с реальной поденной платой строителей СПб. В результате получились две кривые погодных отклонений урожайности и зарплаты от среднего динамического их уровня за целых 60 лет (см. табл. 5, стр. 104, и диаграмму).

Колебания урожаев и оплаты труда в процентах от среднего 8-летнего динамического уровня

Как видно из диаграммы, колебания урожайности и зарплаты отнюдь не выявляют какой-либо строгой периодичности и очень тесной взаимосвязанности. В частности колебания в оплате труда особенно велики в начале периода, а затем как-будто затухают, а колебания урожайности, наоборот, скорее повышают к концу свой диапазон. Тем не менее целому ряду максимумов урожайности (напр.: 1853, 60, 65, 70, 74, 81, 99, 1904 и 1913 гг.) соответствуют в том же году или чаще только в следующем максимумы и в оплате труда (1854, 60, 66, 70, 75, 82, 99, 1905, 1913 гг.), и наоборот за минимумами урожайности кривой (1861, 67, 71, 80, 85, 1911 гг.) следуют минимумами кривой зарплаты (1862, 68, 72, 81, 86, 1912 гг.). Выявленная математически теснота связи этих кривых, если сопоставлять урожай текущего года с реальной зарплатой *последующего*, определилась за весь период коэффициентом корреляции $r = 0,21$ ¹. Функциональная зависимость, соответствующая прямой пропорциональности, выразилась бы коэффициентом корреляции $r = 1$, а полное отсутствие взаимозависимости сопоставляемых величин коэффициентом $r = 0$. Таким образом, выявленную нами связь между колебаниями урожайности и реальной зарплаты в дореволюционной России ($r = 0,21$) нельзя признать очень тесной.

Более наглядно эту связь можно выявить следующим элементарным приемом. Отобрав по 20 лет наиболее отклоняющихся от среднего уровня урожайности вверх и вниз и выделив таким образом в остатке 20 лет близких к средней урожайности, мы вывели для каждой из этих групп лет средний

¹ Для одноименных лет коэффициент корреляции получился отрицательный, но тоже весьма небольшой ($r = -0,27$).

уровень урожайности, а затем для следующих за ними (с передвижкой только на один год вперед) лет вывели и средний уровень реальной оплаты труда. Указанная группировка дала нам такой результат за исследуемый период в 60 лет (в процентах от динамической средней).

Группы лет по урожайности	Средняя урожайность отчетных лет	Оплата труда последующих лет
1) От 105 до 123%	115,1	101,4
2) " 95 " 105%	100,4	100,5
3) " 80 " 95%	85,3	97,7

За годами повышенной урожайности, как видим, следует некоторое повышение, а за неурожайными — понижение уровня реальной зарплаты. Но в общем за отклонением урожайности на целых 15% вверх и вниз следуют колебания в оплате труда всего на 1-2%.

Несравненно более тесная связь наблюдается между динамикой номинальной зарплаты за тот же период и движением цен. Коэффициент корреляции за все 60 лет (с 1853 до 1912 г.), выведенный из данных таблицы 4, достигает 0,76, причем за первую половину этого периода он равен 0,64 и за вторую = 0,59. Рост дороговизны жизни не может не отразиться на денежном выражении оплаты труда, поскольку реальный уровень ее тяготеет к определенному стандарту средств существования. Но эта общая тенденция находит свое полное отражение только на просторе больших периодов времени. Если же изучаемый период в 60 лет разбить на более кратковременные промежутки, то скажется влияние и других временных факторов, ослабляющих действие общего закона¹. И тогда выявится волна падения и роста не только денежной, но и реальной зарплаты.

Если, отвлекаясь от погодных колебаний, вычислить динамику реального дневного заработка тех же рабочих по пятилетиям, то выявится следующая тенденция:

Г о д ы	Дневной заработок	
	в коп.	в %
1853—57	172,3	100
1858—62	159,7	92,7
1863—67	149,4	86,7
1868—72	123,3	71,6
1873—77	128,6	74,6
1878—82	130,1	75,5
1883—87	129,3	75,0
1888—92	159,6	92,6
1893—97	170,2	98,6
1898—02	173,9	100,9
1903—07	178,2	103,5
1908—12	166,2	96,4

¹ При разбивке его на 3 периода по 20 лет коэффициент корреляции получился следующий: за 1853—1872 гг. $r_1=0,35$, за 1873—1892 гг. $r_2=0,37$ и лишь за 1893—1912 гг. он поднимается до $r_3=0,78$. Очевидно, за первые 40 лет колебания номинала зарплаты определялись в гораздо меньшей мере ценами, чем другими факторами, и лишь за последний период цены становятся решающим фактором видимого подъема зарплаты.

Вплоть до середины семидесятых годов идет под влиянием процессов пролетаризации деревни почти непрерывное снижение оплаты труда. А затем, повидимому под влиянием ускоренного роста и подъема капиталистической промышленности, наступает перелом в сторону повышения заработной платы. Особенно крутой подъем ее относится к 90-м годам истекшего столетия. За последнее же пятилетие перед войной, после столыпинской реформы, давшей новый сильный толчок расслоению деревни и отходу в города, мы наблюдаем новое снижение.

Для иллюстрации роста зарплаты, начиная с 80-х годов до конца XIX века, мы можем еще привести следующую таблицу данных по Коломенскому машиностроительному заводу¹ (см. табл. 6).

Таблица 6

Коломенский машиностроительный завод.

Г О Д ы	Число рабочих	Годовой заработок			Дневной заработок			Индекс дороговизны (1913 г. = 100)	Рабочий год в днях
		В рублях		В % реальной нормы 1878 г.	В копейках		В % реальной нормы		
		Номинальный	Реальный		Номинальный	Реальный			
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1878	3.128	210 5	279 9	100,0	88	117	100,0	75,4	239
1879	2.855	213,3	267,2	95,6	87	109	93,2	79,6	245
1880	3.113	235 6	277,0	89,4	92	108	92 4	85 0	256
1881	3.0 9	228,1	250,0	81,6	93	102	87,2	91 3	245
1882	2.645	204,9	230 9	82 6	87	98	83,8	88 7	236
1883	3.17 9	215,1	260 9	93,3	87	105	89 8	82,5	247
1884	3.502	237,8	293 5	04,9	92	114	97,5	81 0	258
1885	3.522	237,0	315,6	112,8	95	126	107,7	75,1	249
1886	3.393	224 8	315 1	112,7	89	125	106,8	71 3	253
1887	3.354	220,1	307,2	109 9	85	118	100,8	71 7	259
1888	3.916	224 4	312,1	111,7	89	124	106,0	71,9	252
1889	3.790	233 7	325,1	116,4	95	132	112,8	71,9	249
1890	3.698	239,1	342,2	12 4	95	136	117,2	69,9	263
1891	3.369	240,3	330,5	118,2	92	127	108,5	72,7	261
1892	4.245	249 4	321,0	114 8	92	118	100,8	77,7	271
1893	5.028	244,9	310,5	111,0	94	119	101,7	78,8	261
1894	5.211	26 9	354,1	126,8	98	135	115,4	72,5	262
1895	5.798	261 5	384,4	137,5	99	145	123,9	68 0	263
1896	6.042	267,7	395,4	141,4	102	151	129,0	67,7	262
1897	6.615	274,2	395,8	141 5	103	149	127 4	69 3	265
1898	6.784	272 2	352,2	126,0	106	137	117,1	77,3	256
1899	6.668	295,0	370 5	132,5	113	142	121,4	79 6	261
1900	7.166	319,7	404,6	144,7	122	154	131 6	79,0	261
1901	7.460	323,0	418,5	149,6	129	167	142,7	77,2	251

Как видим, рост фабричного труда за указанный период не только в денежном, но и в реальном выражении был очень приличный. Но если бы за отсутствием других данных мы отсюда заключили, что этот рост характерен для всего периода капиталистического развития в России, то сделали бы грубую ошибку. Мы уже видели выше, что отмеченной и в настоящей таблице волне подъема зарплаты предшествовала не менее глубокая волна падения. И

¹ Техническое описание Коломенского машиностроительного завода, 1863—1903 гг. Коломна, 1903 г.

если брать более длительные периоды для сравнения, то обнаружится в лучшем случае в результате блистательных успехов достижение прежнего уровня. Кстати по соотношению между годовым и поденным заработком из той же таблицы можно установить и продолжительность рабочего года коломенских металлистов. За первое пятилетие (1878—1882 гг.) этот год благодаря изобилию праздников и прогулов не превышал 244 рабочих дней, а с повышением зарплаты прогулы, повидимому, заметно сократились, и рабочий год за последнее пятилетие (1897—1901 гг.) удлиняется до 257 рабочих дней.

За отсутствием специального индекса дороговизны по г. Коломне мы и здесь применили вышеуказанный ленинградский индекс по 19 товарам. Весьма вероятно, что это несколько меняет общий уровень реальной оплаты труда в г. Коломне. Но Коломенский завод вообще едва ли достаточно показателен для характеристики уровня зарплаты по всей промышленности.

Конечно, при наличии довольно свободного передвижения рабочих из одной отрасли труда в другую и с одного предприятия на другое, — а эта так называемая *текучесть* рабочего состава в нашей промышленности всегда была очень значительной, — общий уровень оплаты труда равной квалификации неизбежно *выравнивался* повсюду, где не было каких-либо специальных местных особенностей, препятствующих такому выравниванию. Но они все же имели место и в силу различного уровня цен в разных районах и в силу местных различий в пролетаризации деревни. Например уральский горняк, привязанный к месту собственным домишком и огородом, или ивановский текстильщик, не порвавший хозяйственных связей с землей, оплачивались обычно гораздо ниже, чем горняки Донбасса, текстили Ленинграда и т. д.

Но эта дифференциация уровня оплаты труда различных категорий в *пространстве* отнюдь не препятствовала очень большому сходству *динамических* колебаний этого уровня в различных местах и производствах, т. е. колебаний его во *времени*. Одинаковые причины порождают одинаковые следствия. Большинство причин, вызывающих сколько-нибудь заметные сдвиги в общем уровне оплаты труда, как, например, крестьянская реформа, большие неурожаи, войны, промышленные кризисы и подьемы, революции, обычно выходят по своему значению за пределы не только районных, но и государственных границ одной страны. Вот почему *динамика* колебаний зарплаты питерских строителей или коломенских металлистов весьма показательна не только в местном масштабе соответствующих производств и географических пунктов¹.

Кроме питерских строителей, нам известна динамика оплаты труда за большие периоды для сельскохозяйственных рабочих по 50 губ. Европ. России (с 1882 г.) и железнодорожников по всей сети дорог общего значения (с 1883 г.)². Это очень различные отрасли труда, но все же коэффициент корреляции

¹ Это явствует уже из того, что коэффициент корреляции между кривой роста поденной платы питерских строителей и коломенских металлистов, несмотря на все различия в условиях их труда и квалификации, достигает за 1878—1901 гг. весьма высокой нормы $r = 0,66$.

² См. С. Струмилин. Очерки советской экономики, 2-е изд. 1919 г. стр. 196-197 и его же «Оплата и производительность труда в сельском хозяйстве», «На аграрном фронте», 1926 г., № 1, стр. 43.

реляции (Пирсона), исчисленный за весьма большой период (с 1883 по 1913 г.), показывает, что динамика погодных колебаний соответствующих кривых находится в очень тесной взаимной связи. Эта связь между динамикой номинального уровня поденной платы питерских строителей и годового заработка железнодорожников выразилась за 30 лет коэффициентом $r = 0,82$, для строителей и сельскохозяйственных рабочих $r = 0,85$ и для железнодорожников и с.-х. рабочих $r = 0,92$.

Не менее явственный параллелизм наблюдается в движении кривых оплаты труда различной квалификации. Так, например, если динамику оплаты питерских строителей проследить по отдельным профессиям, то получим такую картину по пятилетиям, в кредитной валюте (см. таблицу 7).

Таблица 7

Динамика заработной платы строительных рабочих СПб

Пятилетия	Номинальная поденная плата в коп.								
	Обученных рабочих						Чернорабочего	Отнош. гр. 7 к гр. 8 в %	Реальная плата по 6 професс.
	Столяры	Маляры	Плотники	Штукатуры	Каменщики	В средн. по 5 профессиям			
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1853—55	88,4	82,6	79,2	74,4	85,8	82,1	49,6	165,5	172,3
1858—62	102,2	98,2	88,6	96,8	105,0	98,2	60,8	161,5	159,7
1863—67	100,0	87,0	85,4	84,6	94,2	90,2	67,8	133,0	149,4
1868—72	104,4	85,4	87,6	87,6	98,8	92,8	65,8	141,0	123,3
1873—77	103,0	95,6	104,0	101,2	101,2	101,0	70,2	143,9	128,6
1878—82	116,0	112,0	117,8	111,0	110,4	113,4	70,2	161,5	130,1
1883—87	114,0	100,0	104,0	123,4	105,4	109,3	66,4	164,6	129,3
1888—92	131,6	125,7	117,4	128,6	116,2	123,9	77,0	160,9	159,6
1893—97	135,5	130,4	121,2	135,2	126,2	129,7	77,0	168,5	170,2
1898—1902	162,4	140,8	133,8	157,5	138,4	146,6	83,6	175,4	173,9
1903—07	183,5	150,8	145,6	152,3	134,9	153,5	91,2	168,3	178,2
1908—12	192,5	163,8	160,3	164,2	154,9	167,2	98,4	170,0	166,2

Параллелизм движения приведенных рядов по пятилетиям совершенно осязателен. Но если брать даже погодные колебания, то коэффициент корреляции (Пирсона) между движением поденной платы чернорабочего и столяра определится за 1853—1913 гг. чрезвычайно высокой нормой $r = 0,84$. Тем не менее это не полный параллелизм, ибо разрыв в оплате обученного и необученного труда за весь период обнаруживает довольно заметные смещения сначала, до середины 70-х гг., вниз в сторону большей уравнительности, а затем вверх в направлении возрастающей дифференциации. Очень показательно, что возрастание уравнительности совпадает по времени с понижением среднего уровня *реальной* оплаты труда, а рост дифференциации следует за повышением этого уровня.

Объясняется этот факт довольно просто. В периоды низкой конъюнктуры вообще и падающего уровня зарплаты труднее всего снизить уровень наихуже оплачиваемых слоев пролетариата, ибо они и без того уже стоят у порога физиологического минимума потребностей. А потому прежде всего и легче всего падает оплата труда более квалифицированных профессий, что и приводит к большей уравнительности в расценке различных категорий труда.

Для оценки реального значения оплаты труда за конец XIX века в настоящее время имеется уже несколько индексов. Одни из них строятся на базе розничных цен, другие на основе оптовых биржевых расценок, одни взвешиваются по пропорции данных товаров в рабочем бюджете, другие — по пропорции их в общем товарообороте. В зависимости от этих условий и состава входящих в индекс товаров получаются довольно заметные различия и в динамике индексов. Иллюстрируем это следующей таблицей (см. табл. 8).

Индексы цен за 1885—1914 гг.
(1913 г. = 100)

Таблица 8

Годы	Розничных цен				Оптовых цен		
	Инст. эк. ис. (19 товаров) по СПб	М. П. Кохна			Проф. М. Е. Подтягина (66 товаров)	С. П. Боброва (62 товара)	
		(24 товара) по СПб	(15 товаров) по Москве	Средний по обем столицам		В кредитной валюте	В золотой валюте
1	2	3	4	5	6	7	8
1885	75,1	75,6	84,9	80,2	75,4	—	—
1886	71,3	71,8	78,3	75,1	73,1	—	—
1887	71,7	72,4	78,0	75,2	74,1	—	—
1888	71,9	72,2	80,9	76,5	75,4	80,9	67,6
1889	71,9	73,7	82,5	78,1	72,8	86,2	77,0
1890	69,9	71,1	79,8	75,4	70,4	83,4	82,5
1891	72,7	7,5	82,7	83,6	85,6	73,7	80,2
1892	77,7	77,9	84,8	81,4	88,2	74,8	74,9
1893	78,8	79,4	80,9	80,2	78,8	73,2	69,2
1894	72,5	74,2	78,2	66,4	76,2	75,9	74,3
1895	68,0	70,7	74,8	72,7	62,3	68,5	68,9
1896	67,7	70,1	72,8	71,4	62,2	69,9	70,8
1897	69,3	71,1	74,5	72,8	72,2	72,0	72,0
1898	77,3	78,1	76,5	77,3	79,2	74,4	74,4
1899	79,6	80,3	75,6	78,0	78,3	78,2	78,2
1900	79,0	80,0	77,4	78,7	80,7	80,7	80,7
1901	77,2	78,9	79,0	78,9	76,0	84,2	84,2
1902	77,7	79,4	79,9	79,7	77,9	79,8	79,8
1903	77,5	79,2	78,9	79,0	79,0	75,8	75,8
1904	78,1	80,2	81,7	80,9	77,8	77,4	77,4
1905	77,2	80,4	86,3	83,3	80,1	80,1	80,1
1906	81,0	84,0	92,4	88,2	84,6	81,9	81,9
1907	88,2	89,9	96,3	93,1	91,0	89,3	89,3
1908	94,9	95,0	100,8	97,7	102,7	97,0	97,0
1909	93,5	94,2	98,5	96,3	103,3	93,0	93,0
1910	89,7	90,9	96,7	94,3	98,6	91,0	91,0
1911	91,6	91,8	96,4	94,1	94,4	91,6	91,6
1912	98,6	98,1	100,7	99,4	94,6	94,8	94,8
1913	100,0	100,0	100,0	100,0	101,5	98,0	98,0
1914	105,4	—	—	—	100,0 (107,8)	100,0	100,0
						109,2	106,9

Как видим, два первых индекса (ИЭИ и М. П. Кохна), построенные по розничным ценам СПб, несмотря на разное число товаров, мало отличаются друг от друга. Московский индекс Кохна дает за изучаемый период значительно более медленный темп вздорожания жизни, чем питерский. Оптовые индексы Подтягина и Боброва построены примерно на одной и той же ценовой базе ряда крупнейших товарных рынков (с 1890 г. по своду товар-

ных цен), но первый из них взвешен по весам рабочего бюджета, а второй по доле участия каждого товара в грузообороте страны (по водным и ж.-д. перевозкам). Кроме того последний индекс дается нами не только в текущей (кредитной) валюте, но и в переводе по курсу на золото за те годы, когда кредитные рубли отличались от золотых. Все остальные индексы построены в кредитной валюте.

Для характеристики дороговизны жизни во *всероссийском* масштабе наиболее пригодным из них мы считаем «бюджетно-оптовый» индекс проф. Подтягина. Но для изучения динамики составляющих всякий «тотальный» индекс групповых индексов больший интерес представляет индекс Института экономических исследований, позволяющий проследить эту динамику на одном и том же рынке за гораздо больший период времени (см. табл. 9, стр. 112).

Из приведенных групповых цен, как видим, наиболее быстрый рост дают цены продуктов лесоводства (дрова), за ними следуют продукты животноводства и продукты земледелия (зерновые, мука, хлеб, картофель), промышленные же товары с 1867 по 1913 г. не только не растут, но даже падают. А если учесть, что кредитный рубль 1876 г. = 116,3 коп. золотом, то в золоте это падение выразится еще более заметным процентом, чем это показано в таблице. Никакого параллелизма в движении промышленных и сельскохозяйственных цен за указанный период, таким образом, не наблюдается. Скорее, наоборот, можно говорить о встречном их движении и коэффициент корреляции между индексами сельскохозяйственных и промышленных цен за 1867—1913 гг. $\gamma = -0,35$. Объясняется это, конечно, прежде всего разными темпами роста производительности различных отраслей труда. Производительность труда в обрабатывающей промышленности растет, повидимому, быстрее, чем в добывающей (добыча золота) и в сельском хозяйстве. Но в том же направлении, надо думать, действует и нарастание земельной ренты (включая сюда горную и лесную). С ростом населения требуется все более интенсивное использование ограниченных естественных богатств земли и недр ее. Монопольная собственность на землю приводит в этих условиях к бешеному росту земельной ренты¹, а вместе с тем и к повышению цен той продукции, которая связана с использованием значительных пространств земли или недр ее, т. е. в первую голову продукции сельского хозяйства.

В бюджете рабочего сельскохозяйственным продуктам принадлежит значительно больший вес, чем промышленным. Вот почему и номинальный заработок рабочего в своем росте следует за ростом сельскохозяйственного индекса в гораздо большей мере, чем за динамикой цен какой-либо иной группы товаров. Так, например, если зависимость роста номинальной зарплаты питерских строителей от динамики *общего* индекса цен за 1867—1913 гг. выражается коэффициентом корреляции $\gamma = 0,72$, то индекс сельскохозяйственной группы товаров с той же зарплатой дает коэффициент корреляции $\gamma_1 = 0,78$, а индекс промышленной группы дает $\gamma_2 = -0,46$. Снижение промышленного

¹ Земельные цены в России с 1870 по 1910 г., т. е. за 40 лет, возросли в 5,55 раз, в т. ч. с 1900 по 1910 г. на 62%; квартирная плата в городах только за 6 л.—с 1904 по 1910—возросла на 47,5% и т. д. См. наши «Очерки советской экономики», изд. 2-е, стр. 26 и 52.

Индексы розничных цен по г. С.-Петербургу с 1867 по 1916 г.
(1913 г. = 100)

Таблица 9

Годы	Продукты			Итого по сельскому хозяйству	Пром. товары	Всего
	Земледелия	Животновод- ства	Лесоводства			
1	2	3	4	5	6	7
1867	77,6	54,6	45,2			
1868	86,6	55,7	49,3	58,3	133,6	65,0
1869	77,2	63,0	53,4	62,3	132,5	68,5
1870	71,5	66,7	51,1	64,3	130,1	70,2
1871	73,7	63,9	65,7	64,1	143,0	71,1
1872	83,2	66,7	59,8	67,0	128,6	72,4
1873	84,0	63,5	54,8	69,4	142,8	75,9
1874	83,6	64,6	65,3	66,7	133,3	72,6
1875	76,3	63,2	75,8	69,8	123,8	74,6
1876	75,9	63,9	81,3	69,8	123,2	74,6
1877	79,3	65,6	71,7	71,4	122,7	76,0
1878	88,8	65,3	63,0	70,7	115,8	74,7
1879	87,1	71,0	63,0	71,0	119,2	75,2
1880	106,5	75,4	71,2	73,2	144,6	79,6
1881	121,1	78,4	73,5	82,6	109,7	85,0
1882	103,4	79,9	72,6	88,5	120,2	91,3
1883	88,4	75,6	68,5	84,3	134,0	88,7
1884	90,1	74,0	68,9	77,2	136,2	82,5
1885	89,2	67,0	63,9	77,0	122,2	81,0
1886	86,6	65,1	59,8	72,1	105,7	75,1
1887	80,6	70,3	59,8	69,5	89,1	71,3
1888	75,0	71,2	60,3	70,4	85,6	71,7
1889	78,4	65,6	67,1	69,5	96,3	71,9
1890	75,9	63,9	63,5	69,4	97,4	71,9
1891	89,2	66,5	55,2	67,0	99,8	69,9
1892	99,1	71,9	57,1	69,7	103,3	72,7
1893	87,8	72,8	68,5	75,4	100,9	77,7
1894	72,8	69,8	63,9	75,5	112,7	78,8
1895	69,0	65,6	59,4	69,1	106,9	72,5
1896	67,7	63,9	63,9	64,9	99,9	68,0
1897	71,1	64,6	63,0	64,9	96,4	67,7
1898	80,2	68,8	79,0	65,9	103,4	69,3
1899	78,4	71,0	89,9	74,4	106,9	77,3
1900	77,6	75,4	81,3	77,7	98,7	79,5
1901	78,0	71,0	76,7	77,4	95,3	79,0
1902	79,3	73,1	75,3	74,3	106,9	77,2
1903	75,9	73,3	80,8	75,3	102,2	77,7
1904	75,9	77,3	74,4	75,8	94,0	77,5
1905	80,2	74,5	69,9	76,2	97,5	78,1
1906	83,2	78,7	74,4	74,8	101,0	77,2
1907	93,5	86,2	82,2	78,8	103,4	81,0
1908	104,3	94,4	84,5	87,1	98,8	88,2
1909	100,4	95,5	79,4	94,5	98,7	94,9
1910	91,4	93,2	77,6	92,8	99,9	93,4
1911	90,9	93,0	85,8	88,8	98,6	89,7
1912	100,4	96,0	103,6	90,9	98,7	91,6
1913 ¹	100,0	100,0	100,0	99,1	94,0	98,6
				100,0	100,0	100,0
1914	100,0	106,6	105,2	106,0	103,5	105,4
1915	120,7	119,2	133,8	123,2	125,8	123,5
1916	158,2	205,8	181,3	187,1	324,6	199,3

¹ Для 1913 г. веса в наборе: а) продуктов земледелия — 24,1%; б) продуктов животноводства — 44,3%; в) продуктов лесоводства — 22,7%; г) промтоваров — 8,9%.

индекса, конечно, замедляет возрастание номинального уровня зарплаты, но все же оно оказывается слишком недостаточным, чтобы приостановить этот рост и направить кривую номинальной зарплаты вниз.

Массовыми данными о динамике зарплаты в фабрично-заводской промышленности за XIX век мы не располагаем. Но, исходя из тесной закономерности в динамике номинальной оплаты труда и движении цен, с одной стороны, и высоких коэффициентов корреляции между кривыми роста номинальной зарплаты промышленных рабочих и сельскохозяйственных, железнодорожников, строителей и т. д., можно грубо определить и характер кривой зарплаты индустриальных рабочих. Такая попытка, весьма интересная с точки зрения теории, была выполнена несколько лет тому назад в Госплане проф. М. Е. Подтягиным. Тогда мы располагали индексом цен только начиная с 1885 г., а потому и все исчисление пришлось ограничить периодом 1885—1900 гг., опираясь на статистическую базу 1900—1913 гг. по своду отчетов фабричной инспекции.

Годовой заработок фабричного рабочего в России по этому теоретическому расчету за последние 16 лет XIX века изменялся следующим образом (в рублях).

Годы	Заработок	
	Номин.	Реальн.
1885	184,3	244,4
1886	184,0	251,7
1887	185,2	249,9
1888	193,1	256,1
1889	179,6	246,7
1890	175,8	249,7
1891	179,7	209,9
1892	178,8	227,3
1893	187,2	237,6
1894	179,6	270,5
1895	175,4	281,5
1896	175,7	282,5
1897	179,5	248,6
1898	188,6	238,1
1899	190,6	243,4
1900	204,0	268,4

По штрафовавшимся заведениям, подчиненным фабричной инспекции, в 1900 г. годовой заработок составлял 194 р., по более полному обследованию В. Е. Варзара, охватившему почти все заведения, необложенные акцизом, этот заработок достигал 207 р. в год. Стало быть, исчисленная цифра 204 р. для 1900 г. заключается между этими пределами, отличаясь от них на величину от 1,5 до 5%. За другие годы некоторую проверку приведенного исчисления можно еще найти в статистических данных за 1893 и 1897 гг. За 1893 г. по сводке фабричного инспектора Я. Т. Михайловского¹ «средний заработок фабрично-заводского рабочего равняется 187 р. 60 к., считая год в 288 дней, а день в 12 часов». Эта цифра удивительно близко совпадает с приведенным выше теоретическим исчислением. За 1897 г. для необложенных акцизом

¹ Фабрично-заводская промышленность и торговля России. Изд. 2-е, СПб. 1896 г. Я. Т. Михайловский, О заработной плате и продолжительности рабочего времени на русских фабриках и заводах.

предприятий с числом рабочих выше 16 на каждое заведение средний годовой заработок рабочего определен по нашему подсчету тоже в 187 р. Но если учесть, что обложенные акцизом сезонные производства — сахарное, винокуренное и пр., понижали по позднейшим данным 1910—1914 гг. средний годовой заработок всех фабричных примерно на круг около 4%, т. е. с 187 р. до 179,5 р. или около того, то совпадение последней цифры с исчисленной выше нормой заработка для 1897 г. (179,5 р.) получается опять-таки разительное. И это тем более любопытно, что лицам, производившим вышеуказанное исчисление, не были известны названные нами отчетные цифры за 1893 и 1897 гг.

Более детальные массовые данные за 1897 г. приводим в нижеследующей таблице (см. табл. 10)¹.

Таблица 10
Промышленность России в 1897 г.¹

Группы производства	Число предприятий с ценом		Число рабочих в тысячах		Годовой заработок в рублях в предпр.		
	До 16 рабочих	Выше 16 рабоч.	До 16 рабочих	Выше 16 рабоч.	До 16 рабочих	Выше 16 рабоч.	Всех
I. Производства, не облож. акцизом							
1. Обработка волокон. веществ . . .	571	3.868	4,5	637,1	120	160	159
2. Мукомольное производство . . .	5.882	155	43,3	4,3	186	192	191
3. Пр. пищевые продукты	2.608	614	14,3	21,4	146	173	162
4. Обработка животн. продуктов . . .	3.122	1.376	25,2	35,2	168	193	182
5. Обработка дерева	734	1.624	7,2	79,5	148	194	191
6. Писчебумажное производство . . .	62	464	0,6	46,0	115	122	122
7. Химическое производство	220	382	1,7	18,9	171	222	218
8. Керамическое производство	1.226	2.267	13,8	128,2	125	174	169
9. Обработка металлов	412	1.973	3,7	211,3	198	282	280
10. Прочие производства	165	399	1,2	26,7	208	210	207
Итого	15.002	13.122	115,5	1.208,6	167	187	185
II. Производства, облож. акцизом	5.812	1.956	32,7	193,3	—	—	—
III. Горная и горнозавод. промышленность	294	4.318	9,7	477,9	—	—	—
Всего	21.108	19.396	157,9	1.879,8	—	—	—

В этой таблице наиболее любопытным является факт более низкой оплаты труда в мелких заведениях ремесленного типа по сравнению с более крупными капиталистическими предприятиями. Пользуясь более высокой техникой, крупный капитал, очевидно, имел возможность лучше оплачивать у себя наемный труд, чем мелкий хозяйчик, а рабочие, концентрируясь в более крупных

¹ Исчислено по «Своду данных о фабрично-заводской промышленности России за 1897 г.». СПб, 1900 г.

предприятиях, со своей стороны становились значительно требовательнее по отношению к своим хозяевам, чем в патриархальном быту ремесленного труда.

Приведенными весьма скудными фактическими данными за XIX век мы, конечно, далеко не исчерпали имеющийся на эту тему сырой материал. Собираение, критический анализ и научная обработка этого материала представляют собою особую задачу, которую мы оставляем другим исследователям. Своей задачей мы считали только проверку на данных XIX века того основного вывода, к которому мы пришли уже на основании изучения более древней эпохи. Этот вывод — об отсутствии какого-либо прогресса в области динамики реального уровня зарплаты — всецело подтверждается и на данных XIX века. Если оставить в стороне преходящие колебания в ту или другую сторону на протяжении отдельных десятилетий, то к концу века мы получаем такой же уровень, как и в начале его и в середине, накануне падения крепостного права. Никакой устойчивой тенденции к повышению этого уровня за весь период капиталистического развития мы не находим. Скорее даже наоборот. В целом за большие периоды можно усмотреть, пожалуй, даже некоторую тенденцию к снижению.